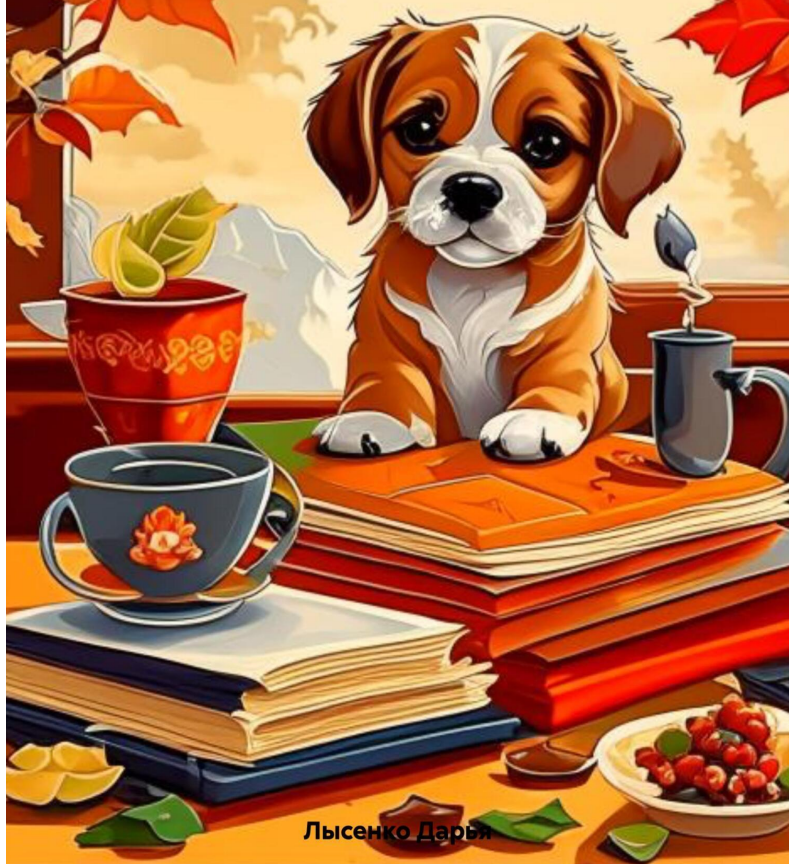

Камера и два блокнота для важности

Лысенко Дарья

Дарья Лысенко

Камера и два блокнота для важности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69824701
SelfPub; 2023

Аннотация

В этой истории нет супергероев и волшебников. Но есть мальчик, жизнь которого полностью меняется на одном уроке. За окном теплый сентябрьский день. В воздухе кабинета скука перемешана с переживанием о том, кого вызовут к доске. Солнце вовсю греет, а в субботу решит взять выходной и не выйти на работу. Вдруг мысли мальчика за одной из парт обрывает неожиданный стук в дверь. Так в его жизнь врывается Полина. Артем, привыкший жить рассказами из книг, постепенно становится главным героем собственной истории. Отбросив смущение, он выручает Полину, взяв к себе в команду на уроке физкультуры. Хоть она и не походила на многообещающего баскетболиста. Было очевидно, что ее возьмут в команду последней. А это обидно. Он знал наверняка. Отблагодарить его она решит не плиткой шоколада. И даже не слойкой с сахарной посыпкой из столовой. Она предложит присоединиться к помощи человечеству. Такие разные, вдвоем они пройдут через массу событий, в которые им удастся вляпаться на страницах книги.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	35
Глава 4.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Лысенко

Камера и два блокнота для важности

Глава 1.

Был урок математики, настолько скучный, насколько это вообще возможно. Помноженное на два. Даже на три. Кому вообще сдались эти яблоки, книги и конфеты? Хотя нет, с конфетами я погорячился.

За окном светило солнце ярче яркого. Самая подходящая погода для того, чтобы сидеть в душном кабинете. А на выходных, как назло, весь день будет лить дождь, и мама не разрешит совать нос на улицу. Даже через окно. «Вдруг, сквозняк». Сентябрь умел вредничать. Мама же мастерски умела запрещать самые приятные вещи на свете. Не со зла, конечно. А от неизмеримой любви.

Либо устав щуриться от солнца, либо расхотев дразнить себя, я повернулся обратно к доске. Как обычно и бывает, за то время, пока я не отвлекался, а хоть как-то пытался насладиться жизнью, в таких-то условиях, на доске образовалось добротное объяснение новой задачи. Измученного Ваню отпустили приходить в себя на место. Он выглядел так,

словно вампир – математика высосала из него не только всю кровь, но и всю радость жизни. Приглядевшись к решению на доске, я смекнул, почему. Потому что на доске ничего не было понятно. Я был уверен, многие сидели и тоже не знали, что происходит, просто не подавали виду. Хорошие актеры. Хочется надеяться, что, когда начнется взрослая жизнь, это пройдет, и люди перестанут делать вид, будто понимают, что происходит. На всяких важных совещаниях и по жизни в целом. Может, этому учат в старших классах. Или в университете.

По взгляду учителя было понятно, что она не будет спрашивать, остались ли у кого-то вопросы. Мол: «тут все понятно, мы только что все разобрали. Такая же задача будет на контрольной». Ольга Викторовна сразу начала искать новую жертву. Сперва желающие, а точнее их полное отсутствие, а затем ее сосредоточенный взгляд начнет скользить по журналу, пока не споткнется о какого-нибудь двоечника. Повисла тишина, над классом скопилась целая куча страха. Умеет же учительница держать паузу, смакуя момент.

Я нервно заерзал на стуле, потому что уже не помнил, когда в последний раз выходил к доске на математике. Но что знал наверняка, так это то, что рана пока еще свежа, нельзя мне выходить. Без понятия, где она, эта рана, просто так как-то сказал мой брат Гоша, когда мама приказала ему сидеть с младшими до ее возвращения домой. У нее были какие-то важные дела в выходной, а бабушка с нами посидеть не мог-

ла.

Гоша – он старший, ему уже пятнадцать, Тане – четыре, а мне – двенадцать. Не шибко большая разница. Так бы и я мог остаться за главного и, может, ран бы никаких ни у кого не было. Я даже знал, какое особое лекарство применил бы. В виде пиццы, без мяса, разумеется, но с кучей сыра и поставил бы «Суперсемейку». Или первого Гарри Поттера. Я бы на месте определился, какое оружие сочетается с пищей – суперспособности или волшебство.

Пока я отвлекался на действительно важные вещи, Ольга Викторовна уже вызвала к доске Настю. Сегодня ей неплохо досталось. Это я про Настю, насчет Ольги Викторовны я не знал, но, судя по ее характеру, с ней что-то каждое утро случается, прям перед школой. Причем, плохое. Поэтому она отыгрывается на учениках, которые в отместку ничего не могут сделать. Только терпеть.

Так вот, Настю сегодня уже вызывали на уроке истории пересказать домашний параграф. А у нее память такая себе. Это все знают, даже преподаватели, но им, как и многим взрослым, все равно будь то плохая память или температура, из-за которой ты на самом деле не можешь идти в школу. «Пей больше жидкости. Воды, а не своей газировки», – обычно говорит мама, кладет в итак тяжелый рюкзак бутылку воды, чтобы не тратиться в столовой и отправляет больного меня в школу. Знания важнее здоровья. А на ночь – кислые морсы, словно под вечер я опять болею, а пока в школе –

здоровье целехонько. В школе особая лечебная атмосфера. Помогают компрессы в виде пинков одноклассников и укулов острых взглядов учителей. А трояк за самостоятельную работу – это вместо лечебной микстуры. Проглотил и морщишься.

Настя записала новый пример и уже успела оценить свои шансы на его решение – мизерные. Не было этих шансов вообще. Бублик! Это понимали все, в том числе и учитель. Ольга Викторовна, словно заряжалась детским страхом на день, жить без этого не могла. Никто не мог помочь Насте, та просто стояла и надеялась, что если долго смотреть на доску, то пример решится сам собой, скобки раскроются и за знаком равно появится цифра, причем, правильная, чтоб без криков учителя, чтоб без двоек хоть и карандашом, но в журнал. Даже со своего четвертого ряда я видел, как мел в руке Насти потихоньку начал крошиться от того, как сильно она его сжимала. Маленькие кусочки один за другим бесшумно падали. Прямо как моя вера во взрослых и в справедливость.

Возможно, вселенная решила, что для десятилетнего ребенка столько стресса слишком много на день, так как в дверь постучали. Вошла, всеми любимый, завуч, у нее на лице всегда была улыбка, словно с утра она надевала ее вместе с очками и так и ходила. Хотя нет, она ее не надевала, потому что улыбка была настоящая, а среди взрослых это редкость. За ней стояла девочка с растрепанными кудрявыми волосами и страхом в глазах, кажется, зеленых, словно к доске вме-

сто Насти поставили ее. Это она правильно. Я бы тоже стоял с такими глазами, если бы умудрился опоздать к Ольге Викторовне. И волосы бы тоже дыбом встали. Хотя, может, они у нее так всегда торчат пышной копной.

– Извините, что прерываю урок, но у нас тут новое поступление, – сказала Марина Алексеевна, пропуская вперед девочку. – Мы с ней засиделись у меня в кабинете, обсуждая правила школы, – она подмигнула девочке, и та, вроде как, немного расслабилась. – Познакомьтесь – это Полина, она теперь будет частью класса.

– Проходи и занимай свободное место, – сухо сказала Ольга Викторовна, указывая на место ближе к окну. Это было не единственное «свободное место», просто Ольга Викторовна хотела уже с порога показать свою власть.

– Ольга Викторовна, будьте добры, зайдите в мой кабинет после урока. Мне необходимо кое-что с вами обсудить.

– Конечно, Марина Алексеевна, – ответила та и улыбнулась по-взрослому, это когда ты улыбаешься, чтобы быть культурным, а не потому, что действительно хочешь. То есть не как Марина Алексеевна. Две противоположности по обе стороны классной комнаты. А дети между ними делают вид, будто не замечают этого. Все как положено.

На перемене к Полине никто не подошел, решив пока что держать ее на расстоянии, присмотреться. Такой новый зверек зоопарка нашей школы.

На обеде девочки, как всегда, собрались в свой круг и бы-

ло понятно, что они обсуждают Полину, заедая это все уже холодными макаронами и мясом. У меня на тарелке были только макароны, мясо я не ем. Благо был еще компот, который придавал хоть какой-то вкус еде. Выходило, что во рту у меня были макароны со вкусом компота. Такая холодная сладковатая каша. Честно говоря, я немного не понимал, почему на работу в столовую взяли поваром того, кто толком не умеет готовить. Но это, видимо, останется загадкой взрослых.

Полина же не подавала виду, она спокойно таскала морковку из своего ланчбокса, читала какую-то книжку и периодически поглядывала в окно. На улице все еще светило солнышко.

Но я-то заметил, что за весь обед она всего раз перевернула страницу. Либо Полина медленно читала, либо книжка для нее была просто щитом для защиты от новых одноклассников. Для меня это была шибко знакомая история. А, может, просто книжка была неинтересная.

После литературы к новенькой все-таки подошли, видимо, за обедом решение было принято. Естественно, во главе была Лиза. Главной гиеной из стаи нашего школьного зоопарка, она первая подошла и села напротив Полины. Как делают в фильмах деловые люди в костюмах. У них еще чемоданчики обычно такие. Для солидности. У Лизы чемоданчика не было. Как и солидности. Только наигранная уверенность в себе.

Я не услышал, о чем именно они говорили, между нами был целый класс, плюс сзади болтали Вовка и Костик, которые обсуждали какую-то новую игру. Я не вникал, потому что в компьютер все равно не играл. Каждую переменную я доставал такой же щит, как и Полина. На этот раз я защищался «Всадником без головы».

В любом случае, под диалог за моей спиной было видно, что в основном говорила Лиза, Полина же молчала. Тут вся группа за спиной Лизы засмеялась, видимо, та пошутила. Со стороны Полины смеха не последовало, она просто улыбнулась. По-взрослому. Вот это она зря, все любят, когда над их шутками смеются, и Лиза – не исключение. Прозвенел звонок на урок, и все разошлись по своим местам. Было очевидно, что беседа у них закончилась не на лучшей ноте. Я не знал, какая нота лучше – ля, си или какая еще, так просто говорит мама. Я решил, что надо будет ее спросить, какая нота лучше, и что делать, если одному человеку закончить беседу на одной ноте приятнее, чем для другого. Очередные мысли и вопросы, которые я забуду минут через пять. Надо бы завести блокнот и начать их записывать. Это я тоже забуду сделать...

На сегодня это был последний урок, поэтому за пять минут до конца урока все постепенно начали убирать свои вещи в рюкзаки. Вот кто-то убрал пенал со всей канцеляркой в рюкзак, оставив только ручку для записи. Потом она попросту полетит в рюкзак. Еще кто-то запихнул в ранец учебник.

Интересно, что при этом чувствуют учителя. Они обижаются, что их уже никто не слушает или тоже рады, что учебный, а точнее рабочий день вот-вот закончится и можно будет заняться своими делами, начать жить.

К Полине больше никто не подошел. Так что не только один я молча собирал ранец, когда долгожданный звонок прозвенел. Я особо никуда не торопился. Но это не было поводом начать с Полиной разговор, хотя пару раз мы и встретились взглядом. На втором взгляде она улыбнулась, ее это, видимо, забавляло, а мне, наоборот, стало неловко. Вот я и ушел. По пути к автобусу я об этом уже, конечно, жалел. Повзрослому, сделать что-то, а потом долго думать, осознавая, что мог сделать все иначе, лучше, если б не струхнул. Но время не промотаешь, только если это не запись на старой кассете. Тогда можно все промотать, вставив в катушку карандаш, и прокрутить до нужного места.

Я не понимал, с чего это я на себя начал злиться. Не начну же я с того ни с сего общаться с одноклассниками после того, как несколько лет преспокойно молчал. Конечно нет. Щит в виде верных книжек всегда был со мной. Но все равно внутри было досадно. Хорошо хоть в этот раз попалась интересная книга, она отлично помогла отвлечься от всяких мыслей.

Глава 2.

Так прошла неделя. Тянулась она безжалостно долго. Как жвачка, которую пытаешься карандашом отодрать от кроссовка. Не то, что неделя летних каникул. Та пролетает перед носом, как скоростной поезд, когда ты стоишь на платформе, ожидая бабушку с дачи.

С Полиной до сих пор никто не разговаривал. Видимо, Лиза дала всем указ не говорить с новенькой. А кому захочется идти наперекор Лизе? Только сумасшедшему, который захочет обратить против себя весь класс. Таких в нашем классе не было. До урока физкультуры в среду.

Осенью после разминки Владимир Николаевич почти всегда предлагал классу играть в баскетбол. В зале. На улице мы только бегаем и катаемся зимой на лыжах.

В играх каждый раз у обеих команд были новые капитаны, это, как говорит физрук, чтобы все были на равных. И эти капитаны по очереди выбирают себе игроков в команду. А тут уже проявляется неравенство. Причем, такими яркими вкраплениями. Даже с плохим зрением без очков заметно.

Ведь все всегда выбирают сперва самых сильных, потом своих друзей. Потому что, видимо, в спорте каждый сам за себя, и дружба, по какой-то причине, отходит на второй план. Самым последним обычно выбирали меня. И чаще всего я сидел на скамейке запасных, пока Владимир Николае-

вич не делал замечание тому или иному капитану, чтоб на площадку выходили все. Мое имя он при этом не называет, но это и ежу понятно, про кого он говорил. В этом плане я на физрука не злился. Он ведь правда старался. Он у нас вообще хороший.

Но вообще, я все никак не мог понять, почему Владимир Николаевич всегда выбирал такой вид разбивки по командам. Он очень справедливый, по сравнению с остальными преподавателями, но некоторые его решения не объяснить логически. Как и у многих взрослых. Будь я на его месте, я бы просто предложил всем тянуть спички. Сломанные – ты в одной команде, целые – в другой. И право выбора достается дереву, а не школьнику. И никто не жалуется и нет обиды. Во всем виноваты палочки с серой на одном конце. Таким образом, именно они разводят огонь между одноклассниками. А потом опять отправляются в коробок. До следующего распределения.

В любом случае, в этот раз Владимир Николаевич капитаном впервые выбрал меня. И Лизу. Физрук всегда брал одну девочку и одного мальчика. Чтоб показать равноправие. Первая выбрала Лиза, опередив меня. С ней клювом щелкать нельзя. Лизка у нас та еще важная птица. Я бы даже сказал цапля. Потому что ноги у нее такие длиннющие, как ее хвост, за который только так хочется дернуть, чтобы хоть немного поубавить ее наглость.

Она, как всегда, взяла в команду Костика, он был самый

высокий, поэтому его всегда берут самым первым. Только не в футболе, в футболе он неуклюжий. А вот баскетбол и волейбол, это его. Пока Костик шел в сторону Лизы, я понял, что все прекрасно знают, кого выберут последним. Если обычный кандидат на эту должность сегодня стоит в капитанах. Еще я прекрасно понимал, что для меня это особо ничего не изменит. Со мной итак никто не общался, меня считали странным, потому что я всегда молчал и смотрел в окно, а не в телефон на уроках. Потому что телефоны на уроках доставать нельзя, плюс у меня была старая модель, не как у всех. У моего телефона даже кнопки есть, а вот игр особо нет. Они мне и не были нужны. С собой у меня всегда имелась книга. А если она уже почти заканчивается, то и вторая в придачу. На всякий случай. Вдруг, автобуса после школы долго не будет. Или придется ехать на том, который делает большой крюк вокруг района. Это сразу плюс пятнадцать минут к общему пути. А это, считай, полноценная глава какой-то новой истории, которую посоветовала бабушка.

В общем, я принял свое решение еще до того, как Лиза взяла в команду Костика, я это понимал. Поэтому после Костика со скамейки встала Полина. И все мои надежды, если они вообще когда-то были, на то, чтобы со мной когда-нибудь заговорили одноклассники магическим образом улетучились, но мне было все равно. Я бы не хотел иметь ничего личного с людьми, которые так себя ведут. Да и знал, что они не будут водиться с тем, кто вел себя так, как я.

«Мы ягоды разных полей», – отвечал я маме каждый раз, когда она спрашивала, почему я не приглашаю одноклассников в гости. Я, может, и кислая смородина, но они – малина, косточки которой застревают в зубах.

Поэтому от этого решения я ничего не потерял, но, как потом выяснилось, приобрел кое-что другое. Помимо синяка, который образовался на коленке после того, как Костик со всей силы толкнул меня во время игры. У меня даже мяча в тот момент не было. Зато оказался, когда физрук свистнул, зафиксировав нарушение, а я стал пробивать штрафные. И не забил ни одного.

В любом случае, у меня появился лучик надежды на нечто более ценное, чем пара очков очередной игры в баскетбол. Но в тот момент я об этом, конечно, не думал. Меня больше волновала саднящая коленка. Я сегодня был в светлых джинсах, а они уж наверняка замараются кровью.

Физкультура была последней. К счастью, учителя порой понимают, что после бега совсем не хочется сидеть в душном кабинете и решать уравнения. А, может быть, и нет, просто хочется верить в лучшее в учителях. Хотя бы иногда.

Пока погода позволяла, многие выбегали из школы прямо в шортах, лишь бы скорее оказаться за пределами ее территории. Мне от этого было только лучше, почти всегда в такие моменты я был в полупустой раздевалке и мог спокойно сверкать своими синяками на острых коленях.

Отодрав корку от засохшей ссадины на левой коленке и

одевшись, я посмотрелся в зеркало и попытался пятерней расчесать копну черных волос. После долгих уговоров пальцев, волосы кое-как легли немного на бок. Поморщив от недовольства нос и сузив голубые, как у мамы, глаза, я вышел в коридор.

Полина стояла, поддерживая стену и пиная пакет с кроссовками. Увидев меня, она отошла от стены, и та не упала. А пакет продолжил по инерции болтаться туда-сюда в ее руках.

– Прости, что я хоть и выгляжу, как великий баскетболист, но все равно не оправдала твоих ожиданий, – сказала она. Я не знал, что на это ответить, поэтому просто кивнул. – А на самом деле, почему ты сразу взял меня в команду?

«Потому что тебя бы никто не взял, и не хотелось, чтобы ты расстраивалась», – подумал я.

– Потому что всем всегда надо давать шанс, – что тоже было правдой. Так говорила мама.

– Я свой, видимо, профукала, – хмыкнула Полина.

Мы уже спускались по лестнице к выходу их школы.

– Ты в отличие от Костика пасы даешь. Поэтому я хоть немного, но поиграл. А он словно не понял формулировку фразы: «один за всех и все за одного», – подбодрил ее я. – Ведь, какая разница, с каким счетом выиграла твоя команда, если ты в этом не принял никакого участие?

Полина улыбнулась. Мимо охранника мы прошли молча. Он всегда сидел, серьезно смотря вдаль, либо наклонившись над чем-то у себя на столе. Было не видно, что это, но из

предположений было несколько вариантов: кроссворды, sudoku и детективные книжки о полицейских. Почему именно о полицейских, никто не мог сказать. Но мнение имеет право на существование. По крайней мере, так всегда с важным видом говорит бабушка, когда не хочет тратить время на споры с кем-то. «Нечего транжирить ценный ресурс», – объясняет она.

– После занятий спортом всегда надо кушать. Чтобы восстановить энергию, – со знающим видом сказала Полина, проходя через калитку. – Что-нибудь сладкое. Для души и энергии.

– Да, наверное, – я никогда не задумывался над этим, а просто шел домой после физкультуры и там обедал.

Чаще всего и есть не хотелось толком. Просто знал, что мама перед работой оставила для нас еду в холодильнике. Ее надо разогреть и съесть к возвращению мамы вечером.

Молча пройдя через сквер, мы наконец очутились на автобусной остановке.

– Я серьезно, – сказала Полина, плюхаясь на скамейку. Я уже и забыл, о чем мы говорили. – У меня там в ранце завернута в салфетке ромовая баба, еще с обеда. Раздели, пожалуйста, пополам.

– Так точно, капитан, – сказал я, обрадовавшись.

Правда потом сразу подумал, что не надо было вот так запросто говорить «капитан». Но так хотелось сладкого, что я особо не подумал, что говорю. Да и мне редко приходилось

общаться с одноклассниками. И, в любом случае, я не понимал, как можно быть кем-то еще, если не самим собой.

Когда тебе доверяют такое серьезное поручение, необходимо преступать незамедлительно и со всей ответственностью. Сидя на скамейке, я старался разделить все по-честному, поровну. Но верхушка начинала сыпаться. К счастью, на салфетку, а не на асфальт голубям, которые только того и ждали.

Поэтому, сперва мы съели по нашей справедливой половине ромовой бабы, а уже потом собирали сладкие шоколадные крошки с салфетки, облизывая пальцы на закуску. И не важно, что руки были грязные. Так мы укрепляли нашу иммунную систему ко всяким микробам, это было обычным объяснением бабули. А, учитывая, что болел я редко, теория была рабочей.

За все это время я пропустил два своих автобуса. Не знаю, сколько пропустила Полина, она не сказала, но, возможно, больше. От этой мысли внутри появилось теплое ощущение благодарности и надежды, что новый автобус ей не придется долго ждать. Ведь, от ромовой бабы осталась только липкая салфетка, которую мы выкинули в урну рядом. Ромовая баба была запрятана в надежные места – два довольные десятилетних пуза, рассевишиеся на автобусной остановке.

Мы молчали, поэтому я опять погрузился во всякие мысли. Всегда хотелось задать вопрос на уроке математики, почему они заранее не спрашивают детей, хотят ли они быть

водителями автобусов или нет. Этим детям бы просто давали больше задачек на скорость, расстояние и время. И не было бы таких ситуаций, что ты, закончив учиться, ждешь автобус, а его все нет и нет. Водитель бы все заранее рассчитал.

Потому что, если бы этим занимались люди, решавшие в школе больше таких задач, проблема бы решилась до ее появления. Это ведь так просто, почему взрослые не могут до этого додуматься сами. Меня ж всерьез никто не воспримет.

Я понял, что опять витаю в облаках, но на этот раз я был не один. Поэтому просто молчать нельзя, а то Полина подумает, что мне с ней неинтересно. А ведь мне на самом деле хотелось ее узнать. Мне казалось, что она совсем не такая, как прочие одноклассники.

– Чем ты обычно занимаешься после школы? – Решил спросить я, пока мы ждали ее или мой автобус. Какой придет первым.

– Помогаю человечеству, – вот так просто ответила она. Пришлось убедиться в том, что она не шутит, потому что таким обычные школьники после уроков не занимаются. Хоть друзей у меня не особо много, а точнее их нет вообще, но это я знал наверняка. Но все-таки Полина была необычная, поэтому можно было не удивляться. – А ты?

– Читаю книжки, чаще всего про приключения, знаешь: «Хроники капитана Блада», «Пятнадцатилетний капитан», иногда катаюсь на велосипеде по парку. Но только в шлеме, иначе мама не пускает, говорит, что такая светлая голова

только у меня и ее надо беречь.

– Думаю, она права.

– Она слишком заботливая и очень переживает, – просто Полина еще не знала мою маму.

– Хороших качеств у человека не бывает «слишком» или «очень» много. Просто мама тебя любит, – пожалала она плечами. – Слушай, а не хочешь как-нибудь присоединиться ко мне? Между книжками и велосипедом. Шлем не понадобится, скорее всего...но, если что, наденем, ты маме так и передай.

Конечно, было интересно узнать, чем это Полина занимается, поэтому я не смог отказаться.

Первым приехал мой автобус, автобус Полина шел следом. Так что нам вместе повезло. Договорившись начать помогать человечеству завтра после уроков, мы разбежались, пожав друг другу липкие руки. Скрепили наш уговор как следует.

Маме я решил не рассказывать про наше завтрашнее занятие, тем более рассказывать было, пока что, нечего. Я же не знал, чем мы будем заниматься. Про физкультуру и новый синяк тоже промолчал, но про Полину обмолвился. Мама очень обрадовалась, поздравив с тем, что у меня появился друг. Она чуть не добавила «наконец», но вовремя остановилась. Я понял и, скорее всего, она поняла, что я понял. От этого ее щеки на секунду сверкнули красным. Как у меня порой.

Пришлось прервать эту неловкую паузу и сказать ей, что друзьями не так быстро становятся, это надо доказывать поступками. На что она ответила, что, всяко, во мне она не сомневается и, что Полина в этом тоже скоро убедится.

Естественно, она спросила, кто Полина по гороскопу, мама этим увлекается и верит в звезды и во всякое такое. По утрам, когда она подвозит меня до школы перед работой, мы обычно попадаем на рубрику гороскопов на радио. Она всегда прибавляет звук. В такие моменты нельзя говорить. Особенно на деве и стрельце. Мама – дева, а стрелец – я. Близнеца она тоже слушает, это Гоша, но в пол уха, потому что он попросил «не запариваться о нем по этой части». Но мама не может «не запариваться», потому что Гоша ее сын, хоть и старший. Но любит она нас всех одинаково. Хотя разделить одну любовь на три части поровну очень сложно. Я специально считал на калькуляторе. Выходит странное число. Но, всяко, мне принадлежит треть маминой любви. Можно сказать, я богат.

Так вот, в дни, когда гороскоп не очень хороший, мама, к счастью, перестает в них верить, но, когда звезды обещают нечто необычное и вообще грандиозное, тогда мама сразу готова идти в бой. Тогда звезды обмануть не могут. Правда на подъезде в школу она уже забывает, что они ей сулят. Так, наверное, у всех, даже тех, кто в них верит.

Еще по гороскопу и тому, где мы в данный момент едем можно понять, насколько мы опаздываем в школу и на рабо-

ту. Но я про это маме не говорю, ей не нужен лишний стресс. Она дева. И мама троих нас, так еще и с бабушкой в придачу. Бабушку ко взрослым я бы не стал относить. Она уже переросла этот возраст.

На следующий день Полина в школу не пришла, ее парта пустовала. Может быть, она сказала родителям, что плохо себя чувствует и осталась дома, только бы не говорить со мной о помощи людям. А, вдруг, ей на самом деле плохо, а у меня такие мысли. Поняв, что я поступаю не очень хорошо, создавая такие мысли у себя в голове, я, как бы мне того и не хотелось, переключился на уроки.

После занятий я, как обычно, шел в одиночестве к автобусной остановке. Другие ребята стайками разбредались каждый в своем направлении. Кто-то стоял, дожидаясь пока товарищи выйдут из здания школы.

Маневрируя мимо них, я аккуратно продвигался, представляя будто я ледокол. «Почти что людокол», – подумалось мне и я улыбнулся.

– Эй, шкет! – Услышал я за спиной возглас Вовки.

Еще проходя мимо, я краем глаза подметил, что в руках у него с Костиком было по рогатке.

Я почти обернулся, потому что, понятное дело, Вовка это мне крикнул. Но, опомнившись, что это не мое имя вовсе, я пошел дальше. Почти спокойно.

Вовка еще что-то крикнул, ребята вокруг начали хихикать, а я ничего не слышал. В висках что-то пульсировало, отдавая грохотом в уши. Наверное, оно и к лучшему было.

Подходя к автобусной остановке, я понял, будь рядом Полина, мне бы точно было легче. И я взаправду не обратил бы на Вовку и его выкрики никакого внимания. Мне было бы попросту все равно.

Но я пока что еще учусь. Видимо, для этого и дана школа. Не обращать внимания на грубиянов. У меня, судя по всему, этот предмет был одним из основных. Так сказать, углубленное изучение. Правда, пока что этот предмет я еле-еле вытягивал на трояк.

В пятницу Полина уже была. Я решил не спрашивать, что с ней стряслось. Мама говорит, что некультурно быть слишком любопытным и лезть в чужие дела. «Если человек захочет, то сам тебе все расскажет», – говорит она. Тут я с ней соглашусь, поэтому Полину я не спросил. И она не рассказала. Возможно, ее доверия я еще не успел заслужить. Но оно и понятно. Все что она обо мне знает, это автобус, на котором я езжу и то, что люблю сладкое.

На географии мы вместе повторяли материки и океаны на глобусе, стоявшем за нашей партой. О помощи человечеству Полина тоже не говорила. Даже после уроков, пока мы сперва шли по аллее, а потом ждали автобус.

Ждать пришлось довольно долго, а Полина все молчала.

Видимо, передумала. Решила не посвящать меня в свое дело, поняв, что поторопилась. И я не подхожу на роль напарника. Приехал ее автобус, мы пожали руки, в этот раз они не были липкие, не каждый раз посчастливится лакомиться ромовой бабой после уроков.

Я продолжил ждать дальше, а она побежала, оставив меня на остановке одного со своими мыслями. И переживаниями, хоть я и не дева. Видимо, немного от мамы передалось. Или звезды так на сегодня распорядились, чтобы переживал я. Чувство было такое себе. Не представляю, как мама так живет. Это ж у нее каждый день.

Вечером настроения не было вовсе, даже читать не хотелось. Поэтому я решил сделать уроки, не откладывая их на вечер воскресенья. В общем, воспользовался плохим настроением во благо. Мама удивилась, но ничего не сказала. Она культурная, и не лезет в чужие дела.

Суббота – всегда хороший день, до вечера воскресенья еще далеко, а значит, еще долго можно заниматься всем, чем только пожелаешь. В рамках разумного, конечно, как говорит мама.

Только день становится скучным, когда нет интересной книжки или документалок про древний Рим по телевизору. Как, например, сегодня. На день рождения я заранее попросил маму купить мне несколько дисков с документальными фильмами. Про древний Рим, Грецию или Египет. При-

шлось уточнить, потому что никакие другие я не люблю, тем более про Персию. У меня день рождения в декабре, так что у мамы еще будет возможность отложить денег, выбрать и купить подарок. А бабуля ей подскажет, если я эту документалку уже смотрел. Она когда с дачи осенью приезжает, всегда смотрит их со мной, пока вяжет на своих длинных спицах что-то нам к Новому году. Так что шанс, что мама выберет те, которые я уже смотрел, ниже.

А пока что я сидел в комнате и, словно на уроке, проверял часы каждые десять минут, правда, почти каждый раз они показывали, что прошло только пять. Говорю же, как на уроке.

Гоша ушел гулять. Сказал, что с друзьями. А мама с Танишкой поехала в супермаркет за продуктами. Я в такие места не езжу, там много людей, есть мясной отдел, а в молочном очень холодно. И, как назло, именно там продаются шоколадные молочные коктейли. Это, конечно, логично, но холодно. Порой бывают безвыходные ситуации и приходится ехать с мамой, тогда я обязательно захожу в отдел со стиральными порошками. Вот там пахнет, что надо. Мама говорит, что я нюхач. Сегодня была не безвыходная ситуация. Мне нужно было только помочь поднять пакеты из машины вверх, когда мама вернется. Надеюсь, правда, что Гоша к этому времени вернется. Одному тащить покупки будет тяжело. Маме мы таскать тяжести запрещаем. Только Танишку, но она не тяжесть, она на вес золота.

Поэтому я сидел дома, без документалок и со скучной книгой в руках чувствовал себя будто на уроке. И это в выходной! Кошунство какое-то.

На эту неделю наконец приехала бабушка, но сейчас она была на кухне и, судя по звукам, готовила кофе. Кофе всегда предвещает сладкое. Так что я решил отложить наискущнейшую книгу и выбраться из комнаты. Слух меня не подвел. Бабуля уже накрыла на стол – ее серебряный френч-пресс, в котором был кофе на целую компанию, но для нее одной, чай с мятой для меня и две тарелочки со сладким на выбор. Она всегда красиво расставляет чашки и вкусности на столе, каждый раз, словно ждет гостей. «А вдруг и правда кто-нибудь придет», – обычно говорит она. В этот раз пришел я. Думаю, к этому она точно была готова.

Почему-то от бабули всегда словно веяло спокойствием, хотя кофе она пила много. Она делала все нерасторопно, но уверенно. Я уже замечал, что есть такие люди, которые будто всегда куда-то опаздывают, торопятся, но все равно ничего не успевают. Так вот, бабушка была совсем не такая. Но даже со своей медлительностью все всегда успевала сделать. Это была ее суперспособность.

Раньше бабуля работала библиотекарем, и да, я был свидетелем, поэтому скажу, что за книжками она так же медленно ходила от стеллажа к стеллажу, зато могла рассказать про каждую книжку и посоветовать, что почитать под настроение. За это ее все посетители и любили. Даже школьники и

вечно торопящиеся жить взрослые.

– Ты выглядишь так, словно тебе попалась скучная книга... или ты съел кислый лимон, – констатировала она, подливая себе немного молока в кофе. От нее ничего никогда не скрыть. Да и я не шибко старался от нее это утаить. – У тебя, случаем, не завалился кислый лимон в комнате?

– Ну раз уж я начал читать книжку, то надо ее дочитать, – пожал я плечами.

– Кому надо? – Ее брови наигранно поднялись над толстой оправой очков.

Она любила говорить, что в них она похожа на какого-то ученого-физика, но без них, в одном лишь кардигане она не сможет увидеть и крупницы красоты окружающего ее мира. Поэтому бывшему библиотекарю приходилось походить на физика.

– Если книжка тебе не понравилась, то ничего не мешает ее отложить и взяться за другую. Это значит, что ее время просто еще не настало. Ничего страшного. Попробуй «Вокруг света за восемьдесят дней». Она среди тех, что я тебе привезла.

Она всегда привозила с дачи несколько книжек для меня, а те, что я прочитал, забирала обратно. На этом мама настаивала. Чтоб не загружать, итак переполненные книгами, полки в моей комнате.

Бабуля уже освобождала первую конфету от обертки. Руки немного дрожали. Не от кофе, тут был виноват возраст.

Именно возраст, а не старость, бабушка кривилась от этого слова, так что нам запрещалось его произносить вслух. И пенсия. Бабуля призналась, что на это слово у нее аллергия, и сразу начинают болеть колени, так что не надо его лишний раз упоминать... как и ее возраст.

Мятный чай был замечательный, он успокаивал, как бабушка, а вместе они отлично дополняли друг друга. Мои любимые вафельные конфетки были ближе всего к чашке чая. Скорее всего, это не было совпадением. Птичье молоко же было на блюдечке ближе к бабушке. Я его терпеть не мог. Она знала.

– Знаешь, Тёма. Возможно, я немного слукавила, – завела беседу бабуля. С интриги, как она любит.

– Что? – Я сразу отложил обертку, которую до этого вертел в руках, чтобы чем-то их занять, пока жевал конфетку.

– Приукрасила неправду, – пояснила она. – Я ведь в свое время всего Рэя Бредбери прочитала, лишь бы убедиться, что он мне точно не нравится. Целиком и полностью.

– Видимо, его время еще не пришло, – пожал я плечами. Про этого автора я еще не слышал.

– Оно, боюсь, и не придет. Я же его всего прочитала, а перечитывать что-либо уж точно не собираюсь. Не так много времени у меня осталось, чтоб давать вторую возможность книжкам. Знаешь, я каждый раз давала ему шанс, заранее понимая, что он опять меня подведет. Благо, я не поступала так с людьми. И ты не делай, пожалуйста.

– Не буду.

– Пообещай книгами Гарри Поттера, – настояла она. Она всегда говорила мне пообещать только ими. Ничего серьезнее. Хотя они итак являлись серьезным вложением в мое детство, почетно занимая целую полку книжного шкафа в моей комнате. Так что их было достаточно.

– Обещаю.

Только я дал слово, как вдруг в дверь постучали, прервав наше спокойствие. Странно, у мамы ключи есть, а Гоша обычно поздно приходит по выходным, мол «чего дома тухнуть». Да и он дверь обычно открывает сам. Порой ему везет и он приходит домой позже, чем можно, и мама не замечает. Или делает вид, что не замечает. Скорее всего, последнее, от маминого взгляда мало что можно укрыть. Даже не заправленную рубашку или разные носки и те она замечает.

У бабушки было такое лицо, словно она думала: «Так и знала, что надо было достать сервиз». Поэтому открывать дверь пошел я. Встав на носочки, я посмотрел в глазок, в коридоре топталась на месте Полина. Видимо, вдалбливала в пол все свое нетерпение.

– Откуда ты знаешь, где я живу? – Удивился я, открывая дверь.

– И тебе здравствуй, – хрипло сказала Полина и улыбнулась она своей улыбкой, показывая зубы. Взрослые так редко делают. – Я ж листала твой дневник, и на первой странице был адрес, вот и запомнилось, само собой как-то. Чест-

ное слово, не специально. Просто у меня на мелочи хорошая память. Вдруг они окажутся вовсе не мелочами. Но это к лучшему, потому что было так скучно дома, что я решила прийти. Если ты веселишься, то я присоединюсь, если нет, то вместе решим, что делать, но уж точно, не скучать. В выходной это делать законом запрещено.

Я пропустил ее в квартиру. Точнее, она сама впустила себя. Такая уж она, видимо, была. Но, думаю, не со всеми.

– Мы с бабулей пьем чай, – пожал я плечами.

– Это значит ты скучаешь или веселишься? Я просто не знаю, какая у тебя бабушка.

Видимо, это был риторический вопрос, потому что, разуваясь и одновременно высмаркиваясь, чтобы не терять времени, Полина, особо не церемонясь, вошла в гостиную. Бабушка уже поставила на стол еще одну красивую чашку. Соленьями.

– Здравствуйте, извините, что прерываю ваши посиделки, просто мне дома до жути скучно было, а кроме Тёмы, со мной никто в школе не разговаривает.

– Очень приятно. Вот только скажи, выходит, ты общаешься с моим внуком только потому, что с тобой больше никто не общается?

– Ой. Вы уж извините, просто я такой человек, говорю, что думаю и реже думаю, что говорю, – голос у нее еще сильнее охрип. Впервые я увидел смущенную Полину. Не то, чтоб я ее уже давно знал, но все равно. – Артём интересный,

поэтому я с ним общаюсь, я бы не смогла притворяться лишь бы разговаривать на переменах хоть с кем-то, актриса из меня плохая. Честно.

– Хорошо, – бабушка улыбнулась, чтобы помочь Полине убрать смущение. – Ты, наверное, Полина, Тёма про тебя рассказывал.

Зачем бабушка это добавила, я не знаю, но Полине это помогло даже больше, чем улыбка бабули. Ее смущение исчезло совсем. Бабуля умеет найти нужные слова для нужных людей. На смену смущенной Полине на кухне теперь был смущенный я.

– Гхм, – я тщетно попытался выкашлять застрявшее где-то внутри стеснение. – Так вот, это моя бабушка Антонина Ильинична.

Та кивнула, будто подтверждая информацию. Полина улыбнулась еще шире. Наверное, ее позабавило длинное имя бабушки. Она у меня была особенная даже в этом.

Чаепитие продолжалось долго. Сладкое на обеих тарелках уже закончилось, и кипяток в чайнике с чаем бы уже дважды подлит. От кофе во френч-прессе на компанию тоже ничего не осталось, бабуля выпила весь, оставив лишь кофейную гущу. Гадать на ней было невозможно, там была одна жижа, не предвещавшая ничего хорошего.

– Это мне повезло, что я к вам зашла, – сделала вывод Полина, выпив три кружки чая и съев шесть штук конфет. Все улики в виде фантиков она аккуратно сложила в горку

одна на одну, совсем не стесняясь своего преступления. – А то у нас дома в холодильнике только контейнер с гречей и грибами, в котором помимо шампиньонов уже появились другие грибы, – видимо, по моему нахмуренному лбу она подумала, что необходимо объяснение и коротко добавила. – Плесень.

Бабушка рассмеялась, а я до сих пор не понимал, как можно довести холодильник до такого состояния. Мама бы такое безобразие не допустила. Про грибы-то я сразу смекнул.

– Помнишь, я говорила о том, чем я люблю заниматься в свободное время? – Заговорщицки начала Полина. Я уже заметил, что из моих знакомых только она так делает. Хотя, с другой стороны, знакомых у меня мало.

– Конечно. Я об этом еще долго думал после в автобусе.

Я решил не добавлять, что и после автобуса и на следующий день тоже думал об этом. Это чересчур. И вообще постарался ответить без особого интереса, правда скрыть это все равно не удалось. Я аж ближе наклонился к Полине.

– Может, присоединишься в мою команду из меня одной? Мы бы рассмотрели твою кандидатуру, – Полина серьезно посмотрела в свое перевернутое отражение в чайной ложке. По моему же лицу, видимо, было очевидно, что я слишком рад, потому что ей даже ответ не понадобился. – Отлично, тогда я завтра за тобой зайду? Часиков в двенадцать? Займемся важными делами, пока не настал понедельник, и не началась школа с бесполезными уроками и нудной домаш-

кой, – Полина встала из-за стола. – Спасибо большое за чай. И за сладости.

– Не за что, голубушка, заходи еще, с тобой беседовать очень интересно. А про ваши похождения с Артёмом я после буду ждать рассказ, если, конечно, это не секретная информация. Право, не знаю, что вы там замышляете.

– Чем меньше людей знает, тем лучше. Но поверьте, это ничего опасного, Артём расскажет, как сам узнает, – Полина остановилась в дверях, что-то вспомнив, и резко повернулась. – И, если что, Тёма обязательно наденет шлем, я контролирую.

Она кивнула сама себе и с этими словами вышла в коридор, чтобы я ее проводил.

Вечером я долго не мог уснуть, ворочаясь в кровати. Я представлял, чем же мы будем завтра заниматься. Спустя час, не меньше, я понял, что необходимо особое оружие, используемое в редких безвыходных ситуациях, как, например, эта.

Выбравшись из нагретого кокона одеяла, случайно уронив пару мягких игрушек, но сразу же их подняв, я поплелся на кухню. Мама готовила блины на утро. Она всегда готовила воскресный завтрак в субботу вечером, когда Гоша долго не возвращался домой. Чтобы занять мысли. Значит уже прошло восемь вечера. Гоше положено возвращаться до восьми.

– Вкусно пахнет ванилью, – подметил я, надеясь получить

блинчик на сон грядущий.

Но мама не поняла намек, либо не хотела понимать. Она говорит, что если кушать перед сном, то сны будут плохие сниться. А как по мне, если съесть что-нибудь сладенькое, то сны будут сладкие. Это же логично. Поэтому сейчас, встав на стул, я тянулся за большой желтой банкой какао и пакетом зефирок. Перед тем, как поставить кружку с молоком в микроволновку, я заметил, что часы на ней показывают 20:17, значит Гоша опаздывал на семнадцать минут от разрешенного времени. Мама поглощено выливали тесто на раскаленную сковороду, поэтому не заметила, что я взял какао. Это был наш тайный знак, о котором мы оба знали, но никогда не обсуждали и не договаривались. Просто так повелось, что обычно я беру какао с собой в кровать, когда переживаю. Например, перед серьезной контрольной. А для мамы, выходит, это обычно знак, что надо прийти ко мне в комнату и побеседовать ни о чем. Но не сегодня. Нас у мамы трое, и она поровну распространила всю свою любовь на нас всех.

Только запищала микроволновка, как во входную дверь снаружи вставили ключ. Мама опустила плечи и облегченно вздохнула. Вздоха я не слышал, но понял, что так оно и было. Гоша вернулся. Я услышал, как он аккуратно опустил свой тяжелый рюкзак на пол. Закинув в кружку горсть зефирок, я поплелся обратно в комнату. В коридоре я глянул на Гошу. Все руки у него были в чем-то измазаны. Я не стал спрашивать, он бы все равно не сказал.

Глава 3.

В воскресенье с самого утра я был уже умыт и одет. Носки подобрал одинаковые, рубашку заправил в джинсы. Даже волосы причесал. Чтобы отвлечься я начал читать привезенную бабулей книгу. Но она не очень помогала, хотя Жюль Верна я обожаю. Несколько раз приходилось перечитывать один и тот же абзац. Будто я учебник по географии читаю, а не интересную книжку.

В десять утра позвонили на домашний телефон. Порой я забываю, что он у нас вообще есть, на него обычно только бабушка звонит, когда она на даче, но сегодня она с нами, так что было непонятно, кто это может быть.

– Прости, – первое, что я услышал, взяв трубку и сказав «Алло». – Не могу сегодня выйти из дома, я б пошла, честно, но меня родители не пустят, – у Полина голос был хриплый и расстроенный. Поэтому мне надо было быть бодрым, так делают товарищи, когда одному из них грустно.

– Ничего страшного. Надеюсь, твой день наладится, потому что завтра контрольная. И надо, чтоб хотя бы сегодняшней день был сносным, – я сделал паузу. Уж очень я стеснялся, но решил добавить то, что очень хотелось предложить. – Хочешь, я могу прийти, мы вместе подготовимся.

– Ой, не надо, – сразу сказала она. – Я даже телефон еле перехватила, чтоб тебе позвонить. Пока мама на кухне мне

делает какое-то мерзкое варево для горла. Завтра уже все будет в порядке, честное слово. Я часто болею, но быстро выздоравливаю. Так что мы и контрольную напишем на отлично или хотя бы на четверочку вытянем. И человечеству поможем. Не все же нам для себя жить.

– Договорились, – сказал я и хотел уже прощаться, как вдруг понял. – А откуда у тебя мой домашний номер телефона?

– Дневник твой. Ты глянь, кроме адреса там и телефон есть. Я ж говорила, что важные вещи запросто запоминаю. Давай, не скучай, – сказала она и бросила телефон. Я даже попрощаться не успел. Но услышал, как у нее кто-то что-то ей говорил вдалеке. Видимо, мама возвращалась, и нельзя было попасться.

Что-что, а ее слова о том, что важные вещи она запоминает от меня не ускользнули. Выходит, мой телефон ей важен. Улыбнувшись, я побежал читать книгу. Бабуля была права, она интересная – книга. То, что Полина интересная я и сам знал. Это мне сразу бросилось в глаза. Как только я ее увидел впервые в кабинете за спиной Марины Алексеевны с ее копной кудрявых волос, настолько пышных, что в них можно было спрятать кучу шпаргалок с формулами.

Хотя бабуле не надо было с утра никуда идти, она всегда завтракала с нами. Только сегодня, утром понедельника, она сидела без своей газеты, за которой обычно даже до первой

кружки кофе ходила к почтовому ящику.

Гоша сидел в телефоне, мама заплетала Танюшке косу, а та была увлечена кашей. Именно ей, а не ее поеданием. Судя по комкам манки на ее тарелке, моя сестренка строила форт.

Обычно за завтраком я сидел с книгой, но сейчас, увидев, что бабуля сидит без газеты, решил для приличия книжку убрать, хоть оторваться и было тяжело. Гоша отложить телефон не мог, он к нему приклеен. Так мама говорит. Но я видел, спит он без мобильного. Значит, хоть иногда, но отлепляется. У Гоши телефон, в отличие от моего, поновее. Без кнопок. Но он на него сам заработал, подрабатывая летом. То одной соседке помочь, то другой что-то починить. Пару раз он продавал соседям что-то, завернутое в плотную бумагу размера А4. Не знаю, что, он не поделился, хотя я смотрел на него с максимальным любопытством, на которое позволила моя культура. В общем, так он и накопил за лето на телефон.

– Как дела? – Начал я разговор. Никогда не знал, как это делается, поэтому обычно молчал. Но с бабушкой молчать не хотелось. Гоша и бровью не повел. Таня только сосредоточенней стала выстраивать оборонительный форт. Мама же старалась из всех сил, было трудно заплетать косички, когда дочка так яро мотает головой.

– Представь себе, еще только утро, а человечество уже разочаровало, – сказала бабуля, накладывая сахар в кофе, одну чайную ложку за другой, с горкой, в сумме вышло три.

Видимо, и правда нужно было срочно подсластить жизнь. – Как всегда, я вышла за полагающейся мне газетой, которую я, знаешь ли, выписываю. Сам понимаешь, без нее утренний кофе не тот. Не было моей газеты, в общем, – плавными движениями она размешивала сахар в кофе.

Бабуля говорит, что кофе для нее не столько напиток, сколько успокаивающий процесс, от которого она получает удовольствие. «Замечай маленькие приятные моменты в жизни, Артём, это важно. Так по крохам ты соберешь на счастливую жизнь».

– А у тебя как?

– Сегодня после школы мы пойдем с Полиной помогать как раз этому человечеству. Впервые. Я впервые, она это постоянно делает, в свободное время, – начал я. – Сегодня еще контрольная работа по математике, но я к ней готов, видимо, потому и не волнуюсь. А вот за нашу помощь человечеству очень. Вдруг я его подведу?

– Тогда ты хотя бы пытался, в отличие от некоторых, точнее от большинства. И это именно то, что считается. Ты не только говоришь, но и делаешь. Я горжусь тем, что ты закрепляешь свои слова поступками. Так даже не каждый взрослый делает.

– Но если я подведу Полину? – Кажется, в тот момент я понял, чего боялся больше всего. Я боялся подвести именно этого представителя всего человечества.

– Товарищи для того и даются, чтобы подталкивать в нуж-

ный момент.

– На самом деле, мы с ней не так хорошо знаем друг друга, чтобы уже быть товарищами, – признался я, кроша корку булки в пустую тарелку. Свою порцию манки я уже давно съел. – Но Полину я еще ни разу не подтолкнул.

Гоша уже встал из-за стола, мама доплела вторую косичку, значит пора уже было допивать чай и убирать не пригодившуюся книжку в рюкзак.

– Значит просто еще не настал подходящий момент, когда ей понадобится твоя помощь. Плюс ты правильно подметил, что она только пришла в ваш класс. Всяко, я знаю, что, если момент и наступит, то ты будешь рядом, – бабушка подмигнула и волнение словно рукой сняло. Это еще одна ее суперспособность.

– Сегодня мы помогаем не менее важной части человечества, о которой часто, а точнее почти всегда не думают. Птицам, Артемон, птицам, – громко объявила Полина хриплым голосом.

Мы были у нее дома. А точнее на кухне. Она стояла на стуле и что-то искала на верхних полках, уставленных всякими банками и коробками. Нелюбимая Полиной греча, овсянка, пара банок домашнего варенья и всякая всячина. Полина тянулась из всех сил, старательно выискивая нужную коробку. А я старался припомнить хоть раз за двенадцать лет, когда меня так называли.

Примчавшись сразу после уроков и злосчастной контрольной к ней домой и скинув рюкзаки, тут я просто последовал ее примеру, мы вбежали на кухню. Даже руки не помыв.

Она встала на стул прямо в кроссовках! У мамы моей случился бы шоковый припадок или что-нибудь такое. Когда я рассказал маме, какая Полина, та пришла к выводу, что, возможно, Полина лев. Но, я-то уже давно понял, что она овен и никто иной. Ошибки быть не может, но спросить я не решился. Оно, наверное, и не так важно. Но, если честно, знай я ее знак зодиака, то в пол уха, но слушал бы ее гороскоп утром в машине.

– Но ведь это даже не человечество, – я ведь понимал, что говорю правду, но Полину трудно переубедить, тем более, когда она на размер стула минус два сантиметра выше тебя. Плюс еще тянется на носочках. В общем, в этот момент она смотрела на меня с высокока. Как большинство взрослых и почти все учителя.

– А ты знаешь, что птенчикам тоже надо что-то есть, у них нет зарплаты, в магазин они сходить не могут, слетать тоже. Холода наступают. Не у всех, знаешь ли, есть возможность улететь зимовать на моря. Все сразу на них навалилось. Им нужна рука помощи.

– А, если быть точным, крыло, – наконец согласился я. – Да и карманных денег у них тоже нет, как и карманов.

Мои шутки Полина пока еще не понимала. Либо была

слишком поглощена процессом поиска корма для птиц.

– Ты начинаешь соображать. Поэтому хотя бы сегодня мы их покормим. Ты знал, что семечки им нельзя? И хлеб с булкой тоже. А люди это в первую очередь и дают. Мне мама сказала, ну, что нельзя.

– Поэтому сейчас ты ищешь...

– Пшено, конечно же, – ответила она, вытаскивая полную банку с крупой.

Отсыпав по пакету на каждого, мы были готовы отправиться спасать человечество с крыльями. И перьями.

Только сперва мама Полины дала нам по большому сэндвичу с жареным сыром и морковные палочки похрустеть. «Чтоб был какой-то баланс», – пояснила она, нарезая морковь, пока мы уплетали сэндвичи. Полине еще полагалась кружка какого-то горячего отвара, мне же, к счастью, достался яблочный сок. Потому что отвар пах какими-то травами. Такое пить совсем не хотелось.

Полина периодически поглядывала на часы на стене. Будто у нее была договоренность с какой-то важной птицей.

Я же краем глаза смотрел за мамой Полины. Ее звали Маша и она совсем не походила на мою маму. Не только именами, хотя Мария и Алёна действительно звучат совсем по-разному.

Например, увидев, что мы вбежали на кухню прямо в кроссовках, она только любопытствовала, что у нас за важное дело. У нее были длинные кудрявые волосы. У Полины

они, выходит, были в маму. Она носила круглые очки с тонкой оправой. И совсем не походила на физика. Но было видно, что зрение у нее очень плохое, линзы только так увеличивали ее глаза. «Наверное, читала ночами книжки с фонариком», – подумал я. Потому что бабушка предупреждала, что так делать не стоит, а то придется носить такие же огромные очки, как у нее. Но очки тети Маши мне нравились. Мне кажется, носи я такие очки, то выглядел бы на пару лет старше. И уж точно солиднее. Может, взрослые даже прислушивались к тому, что я говорю. И воспринимали иногда всерьез.

Папы дома не было. Он, по словам тети Маши, брал интервью у какого-то серьезного человека. Любопытствовать я не стал. Хотя было очень интересно.

Я первый доел свой сэндвичи, не потому что я был голоднее, просто я не щелкал клювом. Съев три морковные палочки и вытерев губы салфеткой, я был готов отправляться на дело. Полина же все еще жевала свой сэндвич. Было заметно, что ей этот процесс успел наскучить. Сидишь себе жуешь, а сладости у этого сэндвича не прибавляется. Она косо поглядывала на положенные ей морковные палочки. Видимо, рассчитывала, сколько времени ей потребуется на них. Или разрешит ли мама оставить их на потом. К своему отвару она почти не прикоснулась. Я, честно говоря, тоже не стал бы.

Съев одну палочку для приличия, сделав большой глоток жижи и вытерев рот тыльной стороной руки, она встала из-за стола и махнула в сторону коридора.

Тетя Маша уже ушла работать дальше, поэтому у меня не получилось поблагодарить ее за вкусный сэндвич. От этого стало неловко. Но, увидев в руках Полины два пакета с пшеном, я сразу же сосредоточился на предстоящей миссии.

Ветер ворошил опавшую листву, будто обронил что-то и копошился, тщетно пытаясь найти. Деревья наклонились под тяжестью порывов. Они словно следили за тем, найдется ли пропажа. Какие-то веточки отламывались и летели к листве. Видимо, шпионили. Мы с Полиной шли на дело.

Почему всегда, когда не идешь целенаправленно кормить птиц, а, например, направляешься в магазин, то обязательно встретишь целые стаи голубей и воробушков. Чаще всего они рядом, и ты даже не обращаешь на них внимания. Но вот именно сейчас, когда у нас было для них целых два пакета еды, которую им действительно можно и очень даже нужно, их не было нигде. Даже ни одной вороны. Хотя мы согласились, что их кормить не будем. Они итак на помойках все что угодно найдут. И у других птиц еду отберут. Вороны всегда самые толстые. И самые наглые.

– А кто сказал, что будет легко? – Не отчаивалась Полина, когда мы зашли уже во второй двор и набрали только на пару кошек, которые совсем нам не подходили. По крайней мере, в этот раз. Обе сидели на скамейке. Одна облизывала лапку, умывая мордочку, а вторая поглядывала на нее с какой-то завистью. Видать, кто-то из них смог полакомиться. И было понятно, кто именно.

– Как думаешь, почему голуби не улетают куда-нибудь на зиму? – С максимальной серьезностью спросила Полина, чтобы отвлечь и меня, и себя от мысли, что плевое дело оказалось не таким уж и простым.

– У них не хватило денег на билеты, – ответил я и очень постарался не улыбаться. Не получилось.

Полина, наконец, поняла мою шутку и даже хихикнула. Вернув боевой настрой, она повела меня дальше.

Мы решили поменять тактику и вместо дворов зашли в небольшой сквер, вокруг которого стояли скамейки. На одной из них сидела пара бабулек. Почти как те кошки, только бабушки свои руки не лизали. А лишь судачили о чем-то. Судя по выражению их лиц, говорили они о какой-то проблеме. Одна из них качала головой. Больше никого в этом сквере не было. Кроме голубей. Полина аж вскрикнула от радости. Наконец, мы могли кого-нибудь спасти.

Только засунув руку в пакет и зачерпнув жменьку пшена из пакета, я понял, что голуби уже наострили уши, которых у них нет, и уже были готовы быть спасенными.

Высыпав первую партию, к нам прилетело четыре разведчика. Полина сказала, что нельзя делать резких движений, а то они улетят и пшено попросту пропадет. «А это, Артём, грозит тотальным разорением», – серьезно подметила она. Я даже дышать старался тише. Полине это плохо удавалось, нос у нее был заложен.

На вторую жменьку прилетело еще штук пять голубей,

они поняли, что к чему и были только за. Старушки повернули головы, их лица прояснились и улыбаясь они продолжили о чем-то говорить.

– Либо тоже хотят спасти человечество, либо хвалят, – решила Полина. Как по мне, сказала она это слишком громко. Это могли услышать и бабушки, и, самое главное, голуби. Спугнуть их мне хотелось меньше всего. Уж слишком долго мы их искали.

Поэтому я молча совсем слегка кивнул. Не хотелось спугнуть налетевших пернатых.

Высыпав еще пару жменек, мы осторожно начали отступать назад, пятась к выходу из сквера. Одна из бабушек показала нам класс, видимо ее внуки научили, Полина ответила за нас двоих, совсем не боясь, что голуби улетят. Они и не улетели, а мы ушли искать других крылатых, которых стоит спасти. На этот раз Полина надеялась на воробушков. «Их стоит искать в кустах», – со знанием дела добавила она.

Только мы зашли в следующий двор с детской площадкой без детей но с парой воробушков, только мы высыпали им одну жменьку на двоих, как откуда не возьмись появился уборщик. На голове у него была красная шапка, а в руках метла. Странно, что мы его издалека не заметили, видимо, были слишком увлечены спасением.

В любом случае, мы ему не понравились, он стал что-то кричать, показывая не класс, а кулак. Видимо, ему не нравилось, что он тут подметает, а парочка каких-то хулиганов

безобидной наружности рассыпает по асфальту крупу.

Рассудив, что он хочет нас прогнать, мы приняли его предложение и побежали со двора. Полина бежала спиной вперед, показывая ему язык. Мне же пришлось ее предупредить, что тротуар вот-вот кончится и надо повернуться. Хотя-бы еще пара воробьев были на нашем счету спасенных. Что уже не мало для одного дня.

В следующем дворе стояла хоккейная коробка. Как назло, над ней сидела целая стая голубей, совсем не боясь старшеклассников, играющих в футбол.

Птицы, наверное, понимали, что они могут спокойно наблюдать за матчем, потому что школьники были слишком увлечены футболом. Они смотрели на парней свысока. В прямом смысле этого слова.

Но мы-то с Полиной не были птицами. Одним взмахом крыльев мы бы не улетели от грозных старшеклассников. Я дернул ее за рукав джинсовки, намекая, что нам стоит поискать птиц где-то еще. Но она осталась стоять на месте, с видом знатока смотря на игру. Видимо, расценивая шансы команд на победу. Да и, зная ее, не хотела Полина терять возможность накормить целую стаю птиц. Их тут и там на коробке сидело штук двадцать точно.

Хоть, ребята и были старше, класс девятый точно, Полину это все равно не остановило. Как я ни пытался ее отговорить, она все равно вошла на коробку и рассыпала целую гору пшена.

Я старался не смотреть на футболистов, но спиной почувствовал, что игра тут же остановилась и вовсе не потому, что кто-то забил гол.

– Эй! – Поздоровался с нами парень на своем дворовом языке. Он как раз и остановил игру, придержав ногой мяч. Хотя, наверное, первой ее остановила Полина, замарав поле. На пшено тут же начали слетаться птицы. – Это вам не газон и не парк для старушек.

– Мы тут в футбол играем. Здесь спорт, а не общепит! – Подхватил второй. Видимо, его правая рука. Так мама говорит. Хотя, наверное, в футболе можно сказать правая нога. Или левая пятка.

– Да ваша команда все равно сильнее, до своих ворот вы не дойдете, – Полина хотела схитрить, парень с мячом ухмыльнулся. Зато запротестовал вратарь, на команду которого шло нападение.

– У нас сейчас будет контратака, и если вас мячом зашибет, то нам потом влетит. Поэтому идите отсюда. И рис свой заберите, – крикнул он через всю коробку.

– Это пшено, недотепа! – Попрошались Полина, и мы убежали. Точнее, первым побежал я, потянув Полину за рюкзак на случай, если она решит остаться.

По пути за пределами площадки рассыпалось еще немного пшена, и обернувшись, я заметил, что на него уже успешно слетелась стая голубей, воробьи стояли позади, ожидая своей очереди. Пшена высыпалось прилично, так что малют-

кам тоже должно было хватить.

В новый двор мы вбежали запыхавшись. Я сразу посмотреть по сторонам. Не было ни уборщика в красной шапке, ни каких-либо спортсменов-школьников. На детской площадке была пара ребят лет пяти. Их мамы сидели на лавочке рядом, говоря о чем-то важном, потому что они были слишком увлечены, чтобы следить за детьми.

Поняв, что порой просто рассыпав немного пшена, на него, может быть, сами начнут слетаться птицы, я предложил эту идею Полине. Она ее одобрила, это я понял. Потому что, ничего не сказав, она начала рассыпать пшено у забора. Видимо, подумала, что занятые мамы могут начать кричать, что мы загрязняем экологию и детскую площадку и Землю в целом.

Только что-то пошло не по плану. Вместо птиц на пшено слетелись двое ребят. Как не странно, мамы одновременно повернули головы. У них, видимо, датчик в головах. Посмотрели, убедились, что мы выглядим безобидно и пришли с миром и пшеном, и опять повернулись друг к другу. Мы с Полиной сочли, что добро на выдачу порции пшена детям нам дали. «Надо же приучать молодняк к хорошим делам», – заявила Полина. С серьезным видом сказав ребятам, что бегать нельзя, мы начали рассыпать немного пшена то тут, то там. Спустя пару минут прилетели первые разведчики, а за ними и целая стая.

Так все пшено и кончилось, а площадка заполнилась пти-

цами. Ребята довольно хихикали, сидя на корточках и наблюдая за голубями.

Полина убрала пустые пакеты в карман джинсовки и сказала, что пора покормить чем-нибудь сладеньким и нас самих, поэтому мы договорились на том, что на сегодня помощи человечеству хватит и было решено расходиться по домам. Полина сказала, что в следующий раз мы будем помогать существам без перьев. Не знаю, про собак ли она, кошек или все-таки про людей. В любом случае, наше приключение, а для меня оно именно им и было, мне понравилось и я ждал продолжения.

Пожав друг другу руку на прощание, я довольный пошел к автобусной остановке. Предварительно взяв в ларьке плитку молочного шоколада с фундуком. Все таки Полина была права, сладкого жуть как хотелось.

Глава 4.

Каждый год в нашей школе проходит конкурс по проектам. Соревнуются команды из всех классов. Столько, сколько будет желающих. А вот победитель всего один на всю школу. Но призы дают командам и за второе, и третье место. Победителей объявляют перед началом новогодних каникул.

Можно, конечно, не принимать участия, что я, собственно, и делал. Не потому, что у меня не было идей. Их как раз хоть отбавляй. Дело в том, что у меня не было команды, а одному участвовать нельзя. Я не узнавал, но так никто не делал, поэтому я решил, что нельзя. Да и не хотелось быть белой вороной в стае шустрых черных пернатых.

Об этом конкурсе и сообщили на ежемесячном собрании школьников. Полина сразу на меня надулась. Раздулась она только к обеду. Видимо, только потому, что нужно было освободить место под еду.

– Почему ты раньше не сказал, что у вас в школе проходит такой здоровский конкурс? – Сказала она, тыча в мою сторону насаженной на вилку брокколи из ланчбокса. Если она хотела выглядеть грозно, то у нее совсем не вышло. – Мы бы начали готовиться раньше. У нас бы фора была. Хотя я думаю, что все команды начали готовиться еще с первого учебного дня или даже с лета, кто их знает. Так что теперь вместо того, чтобы готовиться ко всяким ненужным само-

стоятельным и штудировать параграфы мы будем работать над проектом.

– А спасти человечество?

– Сперфа мы долфны фпафти наф фамих, – она хотела разом от них избавиться, поэтому рот у нее был набит остатками овощей. Но ее это не остановило.

– Но у нас же даже идеи еще нет, – от этой мысли в горле пересохло, а весь мой чай из термоса уже был выпит, как и компот из кружки. А просить добавку я постеснялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.